

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Елкин А. И. Российская эмиграция в Польше (1918 – 1924 гг.) // Вісник Харківського державного університету. – № 385: Історія. – Вип. 28. – Харків, 1994. – С. 157 – 165.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

2. Зубок И.И. Очерки истории рабочего движения в США, 1865-1918. - М., 1962. 3. Захматова М.Р. Экспансия частного капитала США в Западной Европе. - М., 1966. 4. Лан В.И. США: от первой до второй мировой войны. - М., 1976. 5. Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения 1900-1917 гг. - М., 1964. 6. Тьюгендхэт К. Международные монополии. - М., 1974. 7. Торгово-промышленная газета. - 1902. - № 16. 8. *Historical statistical of the United States 1789-1945. - Washington, 1949.* 9. *Rochester A. Rulers of America. A Study of finance capital. - New York, 1936.* 10. *Williams B. Economic foreign policy of the United States. - New York, 1929.*

А.И.Елкин

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПОЛЬШЕ (1918-1924 гг.)

Российская эмиграция как историческое явление в большинстве своем возникла не из самой революции, а из гражданской войны. Лишь немногие сознательно покинули Россию, спасая свое имущество или духовную свободу. Основная масса беженцев образовалась из тех, кто с оружием в руках боролся против большевиков. Польша, благодаря длинной сухопутной границе с Россией, служила в 1919-1921 годах главными воротами в Европу, через которые устремились массы русских беженцев, значительное количество которых затем осело в стране. Здесь же в качестве интернированных находились остатки нескольких бывших белых армий.

Первые работы по истории "белой" эмиграции появились в 20-е годы. Несомненный интерес представляют произведения "сменовеховцев" - бывших эмигрантов, возвратившихся на родину. Они пытались определить численность, показать условия жизни русских за рубежом, проанализировать влияние прессы на формирование взглядов беженцев¹. Во второй половине 20-х и начале 30-х годов появились публицистические работы, раскрывавшие "подрынную"

¹ Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на перепутье. - М., 1923; Белов В. Белая печать: ее идеология, роль, значение и деятельность. - Пг., 1922; Мещеряков Н. На переломе. Из настроений белогвардейской эмиграции. - М., 1922; Бобрищев-Пушкин. Война без перчаток. - Л., 1925.

деятельность эмиграции. В 70-80-е годы отечественные исследователи уделяли постоянное внимание различным аспектам эмиграции. Однако основной акцент делался на ее "контрреволюционной" деятельности, связи внешней и внутренней контрреволюции, "агонии" эмиграции¹.

Российская эмиграция привлекла внимание и зарубежных авторов. В 1924 году в Германии была опубликована работа Ганса фон Римши, посвященная гражданской войне в России, формированию русской эмиграции и ее политической ориентации [13]. Непосредственно история эмиграции в Польше затрагивается в монографии польского исследователя С.Микулича [11]. Однако он главным образом акцентирует свое внимание на казачестве и его роли в планах Ю.Пилсудского.

Следовательно, анализ работ отечественных и зарубежных ученых свидетельствует о том, что непосредственная история эмиграции, ее жизнь в Польше в различных проявлениях не получили освещения. Автор статьи ставит перед собой цель: проследить процесс формирования эмиграции, определить ее состав и численность, правовое положение и жилищные условия, трудоустройство.

Некоторые эмигранты, оказавшиеся в Польше, оставили свои воспоминания и заметки, освещающие положение в стране и ситуацию, в которой они оказались [5; 7; 8]. Самые разнообразные сведения о жизни эмигрантов в Польше можно найти на страницах русской эмигрантской прессы как в Польше, так и в других странах. В статье использованы архивные материалы бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге, хранящиеся сейчас в Государственном архиве Российской Федерации. Эти материалы отражают деятельность различных эмигрантских организаций, положение беженцев, их правовые и социально-экономические условия пребывания.

Русских эмигрантов в Польше можно было бы условно разделить на несколько категорий: первую, не слишком большую, представляли обломки бывшей империи (чиновники, жандармы и др.); вторую составляли представители торгово-промышленного и финансового мира; третью категорию представляли военные. Четвертую, самую значительную группу эмигрантов, составляли представители самых разно-

¹ Мухачев Н.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства. - М., 1982; Колин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. - Калинин, 1977; Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924 гг.). - Л., 1987; Шкаренков Л.К. Агония бедой эмиграции. - М., 1987 и др.

образных профессий и социального положения, выброшенные революционной бурей на чужбину.

Вопрос о численности русской эмиграции в разных государствах и, в частности, в Польше весьма запутан. Через нее проходили массовые миграции эмигрантов, однако, как правило, здесь они долго не задерживались, хотя в разное время в стране находились большие массы беженцев. Так Г.Римша, ссылаясь на данные Американского Красного Креста за декабрь 1920 года, утверждает, что из общего числа эмигрантов 1964000 человек русских в Польше находился 1000000 человек [13, с. 58]. Исследователь Л.К.Шкаренков, опираясь на сведения одного из отчетов Земскогородского комитета - эмигрантской благотворительной организации - за 1921 год, отмечает, что в середине 1920 года в Польше насчитывалось 200000 русских [10, с. 22]. Однако приведенные выше цифры вряд ли соответствуют действительности. Ибо в первом случае речь может идти не только об эмигрантах, но и о русских, бывших подданных Российской империи, проживающих на территориях, отошедших к Польше. Поскольку Американский Красный Крест помогал не только эмигрантам, а всем нуждающимся, то это нашло отражение в соответствующей статистике. Что касается цифры 200000 человек, то в данном случае речь идет не об эмигрантах, а о русских жителях Польши, не получивших по ряду причин польское гражданство [4, ф. 5814, оп. 4, д. 4, л. 309].

Чрезвычайно трудно определить точную цифру русской эмиграции в Польше, однако наиболее точными можно считать цифры, содержащиеся в отчетах Русского Попечительного Комитета (РПК) в Польше, - организации, непосредственно занимавшейся беженцами из России. Как свидетельствуют данные РПК, в 1922 году в Польше насчитывалось около 50 тысяч русских эмигрантов, а в 1924 году - 60800 человек [4, ф. 5814, оп. 1, д. 6, л. 39; д. 154, л. 1-3]. Однако затем эти цифры уменьшались главным образом из-за отъезда эмигрантов в другие страны.

Таким образом, на территории Польши появились десятки тысяч эмигрантов без всяких средств существования, а часто и без всяких документов, удостоверяющих личность, семейное и общественное положение и вообще их юридический статус. Наиболее же трагичным в их положении являлось то, что они были лишены всякой международной и дипломатической защиты. Беженцы столкнулись с антирусскими настроениями и полицейским произволом.

В качестве типичного примера можно привести свидетельство А.А.Гольденвейзера: "Переехав в Польшу, — казалось нам, — мы будем свободными гражданами ... Как и всех, нас ожидало разочарование. Паспортные страхи и полицейские затруднения начались у нас с первого же дня перехода границы. Нас встретили не как пленников, вырвавшихся из тюрьмы, а как незваных, докучливых гостей, приехавших делить с хозяином его скромную трапезу" [5, с. 180]. Аналогичные свидетельства приводят Р.Донской [7], П.Жакмон [8] и другие.

Справедливости ради следует заметить, что и местные русские жители не всегда с восторгом встречали эмигрантов. Вот что пишет в своих путевых заметках о пребывании в Острове-Познанском В.Ольгинский: "Чего их принесло? Дороговизну разводит. За все платят в три дорога. Не торгуются. Сумасшедшие ... Убрать их надо" [9, 1920, 27, 8].

Все лица бывшей Российской империи, не польские граждане, проживали в пределах Польши по особым документам. Причем все эти жители были разделены на две категории. К первой относились те, которые либо перешли польско-русскую границу до 12 октября 1920 года, либо вообще, даже и после вышеуказанного срока, легально репатриировались из Советской России. Лица первой категории имели белые карты побыта (карты пребывания), которые продлевались каждые три месяца. Ко второй группе относились те, за которыми формально было признано право политического убежища. Они имели красные карты азила (убежища). В них делались отметки о свободном проживании и передвижении в пределах государства, кроме 7 восточных воеводств (Львовского, Станиславского, Тернопольского, Волынского, Новоградского, Полесского; Виленского) [4, ф. 5764, оп. I, д. 149, л. 74]. Виновные в нарушении данного распоряжения подлежали штрафу до 50000 марок и трехмесячному заключению (или обем этим карам вместе), а также их могли выслать за пределы государства. Кроме того, отсутствовала единая практика в отдельных воеводствах и староствах по вопросам правового положения русской эмиграции. Это касалось в первую очередь карт побыта, которые продлевались через каждые три месяца, прикрепление эмигрантов к определенному месту жительства и требование специального каждый раз разрешения на поездки, обратная высылка в Советскую Россию переведших восточную границу. Как свидетельствует письмо в редакцию газеты "За свободу" за

23 декабря 1923 года, его автору за четыре года проживания в Польше пришлось 16 раз продлевать свою карту побыта [9, 1923, 23.12]. Наиболее тяжело сказывалось на эмигрантах прикрепление к месту жительства. Проживавший в Воломине (17 верст от Варшавы) не имел права приезжать в столицу или наоборот. Покидать назначенное место без разрешения полиции (причем это разрешение давалось на один раз и только в определенное место) не разрешалось [9, 1924, II.4].

Для того чтобы совершить поездку в другое воеводство, нужно было подать прошение по месту жительства, а его пересылали в воеводство, куда эмигрант собирался поехать, и только после получения соответствующего разрешения можно было ехать. Нередко для получения разрешения на выезд сроком на 5 дней приходилось ждать от одного до трех месяцев [9, 1926, I7.7].

Правовое положение эмигрантов было непосредственно связано с жилищной проблемой. Особую остроту этот вопрос приобрел в 1919 году. Польские власти, толкнувшись с нехваткой жилья, предприняли ряд мер, направленных на выселение русских из Польши и в первую очередь из Варшавы. Не последнее место в разжигании антирусских настроений играла польская пресса.

Осенью 1919 года в польской печати без различия направлений поднялась усиленная агитация против русских, проживающих в Варшаве. Было выяснено, что в столице находилось 36000 русских, занимавших 4 тысячи квартир, очистки которых в виду общего недостатка жилых помещений домогалась печать [2]. Аналогичная кампания развернулась в польских газетах летом 1920 года.

Выходившая в Варшаве газета "*Przegląd Wieczorny*" поместила следующие строки: "Неужели польское правительство хочет дожидаться момента, когда доведенные до отчаяния представители польской интеллигенции, выселяемые теперь из квартир разными казенными реквизициями и спекулирующими содержателями пансионов, применят к москалям закон Линча и повыбрасывают их на мостовую [12]". В июне 1920 года ежедневно получали предложение покинуть Варшаву до 50 человек. Это привело к ускорению отъезда русских за границу, главным образом в Болгарию, Чехию, Югославию [9]. У большинства тех, кому повезло с квартирой, жилищные условия оказались неудовлетворительными. Многие жили в подвальных и мансардных помещениях, ютились в одной, двух комнатах, в тесноте, сырости, спертым воздухе, холоде.

Не имеющие средств для приобретения жилья эмигранты вынуждены были пользоваться услугами этапных пунктов, которых было несколько. Особой известностью пользовались расположенные у Варшавы "Повонзки". Этап этот находился в бывших складах Варшавской крепости и занимал 15 огромных барачков. За год через него прошло 180 тысяч человек, из них 40 % составили русские [3, 1919, 25 июня]. П. Жакмон так описывает положение в "Повонзках": "Холодно ночью, холодно и грязно утром, сыр и голодно днем, вот жизнь собачья; морды всклокоченные, влые, подозрительные ... Несмотря на самообещание не ночевать больше в этой клоаке грязных тел ... , на следующий день, не найдя снова нигде пристанища, со слезами бессилия на глазах я снова приехал в "Повонзки" [8, с. 8]. Не имея возможности приобрести жилье, многие эмигранты покидали Польшу и искали себе пристанища в других странах.

Одной из наиболее сложных проблем, с которой сталкивались эмигранты, был вопрос об их трудоустройстве. Состав российской эмиграции в Польше определялся наличием в ней большого количества военных и представителей интеллигенции. В частности, на территории страны были интернированы около 4650 офицеров и солдат, с их семьями, бывших генералов Балаховича и Перемыкина и около 5 тысяч казаков тех казачьих частей, которые в 1920 году добровольно перешли из Красной Армии и сражались в рядах польской армии. Они были размещены в 5 лагерях [4, ф. 5814, оп. 3, д. 4, л. 25]. В связи с ликвидацией лагерей, а также необходимостью обеспечить интернированных средствами существования приступили к созданию артелей. Большинство из них направлялось на лесные и железнодорожные работы. Всего зарегистрировалось 55 артелей с 4000 человек [1, с. 106]. Главным образом артели находились в лесах Беловежа и Августова. По сословию и профессиям русские эмигранты разделялись так: 30 % - офицеры, 3 % - студенты, 10 % - неокончившие средние заведения, 5 % - интеллигенция, остальные - казаки. Условия работы на двух имевшихся фабриках были следующие: 8-часовой рабочий день, зарплата 350-500 тыс. польских марок. Работы производились на погрузке и разгрузке лесного материала и отправке выработанного: скипидара, древесного опирта, смолы, дегтя. В течение недели одежда приходила в негодность [4, ф. 5814, оп. 1, д. 30, л. 14]. На лесохозяйственных заводах и заготовке леса работа была еще более тяжелой и изнурительной. Оплата по сравнению с дороговизной выдавалась ничтож-

ная. Заработка хватало только на хлеб и капусту, не говоря уже о приобретении одежды. В лесах люди трудились почти голые. Из желающих переменить место работы никому это не удавалось. Старосты чинили все препятствия, лишь бы не выпустить из Августова [4, ф. 5814, оп. I, д. 30, л. 15]. Об условиях труда может свидетельствовать тот факт, что только в Беловеже в декабре 1922 года лежали с отмороженными ногами 47 человек [4, ф. 5814, оп. 3, д. I, л. 79]. Ибо трудиться приходилось в 20-25° морозы [9, 1922, 29,3]. В такой ситуации единственным источником заработка для эмигрантской массы являлась простая черная работа. Попытки переговоров с правлениями союзов винокуренных, сахарных и других заводов по вопросу о приеме эмигрантов на работу были всегда отрицательными [4, ф. 5814, оп. I, д. 21, л. 120]. В условиях экономического кризиса, роста безработицы, бившей в первую очередь по эмигрантам, многие рабочие в лесах или оставались без дела, или работали 2-3 дня в неделю. Поэтому среди бывших интернированных наблюдались и случаи голодовки. Ввиду этого правление РПК обратилось к властям с просьбой разрешить устроить сбор средств по подписным листам, а также обратилось ко всем местным русским организациям на местах собрать пожертвования в пользу бывших интернированных, их жен и детей [4, ф. 5761, оп. I, д. 149, л. 56].

В связи с отсутствием сбыта сократилось количество созданных русскими кустарных предприятий (в лагере Стржалково и Воломине) [4, ф. 5814, оп. I, д. 10, л. 28]. Согласно несовершенной статистике Международного Бюро Труда в Польше насчитывалось 3945 человек безработных русских эмигрантов [6]. Поэтому единственным их утешением и надеждой являлась возможность попасть на работу во Францию. Через делегата Лиги Наций Г. Шарпантье было получено предложение от двух французских фирм отправить на работу во Францию русских эмигрантов из Польши. Русские трудились на сталелитейных заводах Кьютанж (Лотарингия) и Кальвадос (Нормандия) в качестве чернорабочих и специалистов, литейщиков, машинистов, каменщиков и др. [9, 1924, 2.4]. Контракт заключался сроком на шесть месяцев. Во Францию на работы выехало свыше 1,5 тыс. человек [4, ф. 5814, оп. I, д. 10, л. 28].

В аналогичном положении находились и другие категории эмигрантов. Требования на рабочих и служащих исходили по преимуществу от частных лиц и небольших предприятий, не связанных с проф-

союзными договорами о найме рабочей силы. Типичен в этом отношении пример Вильно, где попытки устроить рабочих на крупные фабрики и заводы встретили противодействие профсоюзов, и эмигранты были немедленно сняты с работы [4, ф. 5814, оп. I, д. 21, л. 49]. Ввиду этого в пределах города эмигранты размещались по преимуществу на должности сторожей, швейцаров, разносчиков товаров, пильщиков дров и на строительных работах. Из общего количества безработных Вильнской русской колонии (3127 человек) требований на лиц интеллигентных профессий поступило 357, в виду чего для безработных этой категории была предложена работа продавцов газет, сторожей и др. [4, ф. 5814, оп. I, д. 21, л. 49]. В связи с тем, что значительная часть русских была ограничена в праве свободного передвижения, а работы часто предлагались на выезде, они не смогли ею воспользоваться. О типичности ситуации может свидетельствовать пример бывшего офицера-юриста из г. Кременца Тарнопольского воеводства, занимавшегося частными чертежными работами. Владелец мельницы поручил ему съемку для предоставления чертежа в строительный отдел на предмет признания ее годности в работе. Пропуск ему не был дан на том основании, что у него нет диплома техника, хотя он сделал десятки таких работ. Он лишился заработка [4, ф. 5855, оп. I, д. 2, л. 4]. Вышеизложенные факты свидетельствуют о произволе властей и работодателей, хотя формально согласно инструкции министерства труда от 20 декабря 1923 года на эмигрантов распространялись законы: о 8-часовом рабочем дне, лечении за счет предпринимателей, о вознаграждении за увечье и пр. [4, ф. 5761, оп. I, д. 14, л. 64].

Сносно устроилась в Польше небольшая группа врачей, архитекторов, инженеров и других специалистов, но они все зарабатывали меньше своих польских коллег, главным образом, в силу эмигрантского бесправного положения.

Единственная категория эмигрантов, которым в Польше повезло, особенно по сравнению с той же категорией в западных странах, это юристы. На территории бывшей русской Польши и восточных окраин страны действовало лишь слегка подновленное и приспособленное к новому положению русское законодательство, что требовало большого числа юристов, хорошо знакомых с русским уголовным и гражданским правом.

Следовательно, на территории Польши проживало несколько десятков тысяч русских эмигрантов, оказавшихся в тяжелом право-

вом и материальном положении. Очень остро стояла перед ними жилищная проблема, а единственным источником существования основной массы беженцев была простая черная работа.

Л и т е р а т у р а

- I. Бюллетень Российского Земскогородского комитета помощи российским гражданам за границей 15 дек. 1922 года. - Париж, 1922. - № 9-10. 2. Варшавский голос, 1919, 19 октября. 3. Варшавская речь, 1919. 4. Государственный архив Российской Федерации. 5. Бегство А.А. Гольденвейзера. Архив русской революции. - Берлин, 1923. Т. 12, с. 167-188. 6. Дни. 1925, 19 сентября. 7. Донской Р. От Москвы до Берлина. Архив русской революции. - Берлин, 1920. Т. 1, с. 191-240; 1923. Т. 12, с. 167-188. 8. Жакмон П. Письма русского эмигранта. - Варшава, 1921. 9. За свободу. 10. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. - М., 1987. 11. Mikulicz S. *Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej*. - W., 1971. 12. *Przegląd Wieczorny*. 1920, 27 kwietnia. 13. Hans von Rimscha. *Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917-1921*. - Jena, 1924.

А.А. Чувпило

ВНУТРИПАРТИЙНЫЙ КРИЗИС И ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА В ИНДИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ В 1934 г.

В истории Индийского национального конгресса (ИНК), возглавлявшего освободительное движение народов Индостана против британских колонизаторов, 1934 год явился периодом глубокого внутрипартийного кризиса и острой идейно-политической борьбы, принявшей конкретные организационные формы между различными по своему влиянию, составу и платформам группами. Однако эти важные события, наложившие неизгладимый отпечаток на весь последующий ход движения за независимость, не получили еще должного освещения в индологической литературе, ограничивающейся лишь кратким их перечислением и констатацией.